

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

УДК 81'44

Воробьева Н.М.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЗАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОНТОЛОГИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ

N. Vorobyeva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

CLASSIFICATION OF GRAMMATICAL CATEGORIES AND THEIR INTERRELATION WITH ONTOLOGICAL CATEGORIES

Аннотация. В данной статье анализируются различные подходы к классификации грамматических категорий по формальному и содержательному принципу, принимается попытка произвести типологизацию данных категорий в когнитивном аспекте. Рассматриваются механизмы взаимодействия грамматических категорий с бытийными (онтологическими) категориями, обосновывается ключевая роль семантических категорий. В заключение приводится предположение о том, каким образом значимые грамматические категории фиксируются в языке в процессе познания.

Ключевые слова: грамматическая категория, аффикс, словообразование, объективная действительность, когниция, семантическая категория.

Abstract. The article analyses various methods of classification of grammatical categories according to the form and meaning approach and an attempt is made to classify the named categories in the cognitive aspect. The author shows how grammatical and ontological categories interact and explains the crucial role of semantic categories. In the concluding part some ideas about the way grammatical categories are fixed in the language as a result of cognition are given.

Key words: grammatical category, affix, word formation, objective reality, cognition, semantic category

Грамматические категории, зафиксированные в грамматическом строе какого-либо языка, можно считать однотипными, поскольку они являются единством некоторого грамматического значения и формальных средств выражения этого значения. Тем не менее грамматические категории неоднородны по своей структуре и семантике, в связи с чем возникает вопрос о типологизации данных категорий. Лингвисты неоднократно обращались к данной проблеме, о чём свидетельствует разнообразие предложенных ими классификаций.

В.И. Кодухов выделяет синтаксические и морфологические категории по аспекту «отнесённости к предложению, словосочетанию – отнесённости к слову, форме слова» [6, с. 263]. В основе классификации грамматических категорий по Б.Н. Головину лежит языковой мате-

риал, обобщаемый той или иной категорией. Согласно данной классификации, рассматриваются грамматические категории слов, словесных форм (категория времени, категория падежа и т. д.), грамматические категории словесных позиций (категория вводности, однородности, обособления и обращения, категория членов предложения) и грамматические категории словесных конструкций (различные типы простых и сложных предложений) [3, с. 182-200]. В Русской грамматике 1980 г. рассматриваются словоизменяемые и несловоизменяемые категории, основанием для данной классификации является аспект «представленности формами одного и того же слова – представленности формами разных слов» [11, с. 456]. В.Б. Касевич выделяет классифицирующие, или лексико-грамматические, категории (напр., части речи, род существительного) и формообразующие категории (напр., категории числа, падежа существительных) [5, с. 68].

Для настоящего исследования особый интерес представляет классификация грамматических категорий, предложенная Ю.С. Масловым, по характеру значений, выражаемых той или иной категорией. Автор данной классификации рассматривает объективные, субъективно-объективные и формальные категории. По Ю.С. Маслову, в категориях могут воплощаться реальные связи и отношения объективной действительности и могут фиксироваться отношения между определённой ситуацией и положением субъектов-участников данной ситуации. Формальные категории лишены указания на субъективное восприятие окружающей действительности или объективные изменения этой действительности [9, с. 128]. Классификация грамматических категорий, разработанная Ю.С. Масловым, является, по нашему мнению, наиболее ценной и актуальной, поскольку при ранжировании категорий автор обращается не только к формальной стороне языка, но и принимает во внимание когницию как важный познавательный процесс оценки человеком объективной реальности и осознания своего места в этой реальности.

На наш взгляд, при типологизации грамматических категорий важно учитывать когнитивные аспекты взаимодействия человеческого сознания и окружающей действительности, ведь категоризация внутри грамматического строя языка есть результат творческой работы человеческого разума, его способности осмысливать, познавать, оценивать и обобщать процессы и явления объективного мира. В этой связи трудно не согласиться с мнением Е.С. Кубряковой о том, что категоризация есть не что иное, как попытка «придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нём сходство одних явлений в противовес различию других» [7, с. 93].

В настоящем исследовании предлагается классификация грамматических категорий согласно степени грамматической абстракции, широте охвата языкового материала, который обобщается некоторой грамматической категорией. Разработанная классификация, как мы считаем, способствует углублению понимания природы грамматических категорий, при этом учитывается их связь с онтологией окружающего мира. В рамках данной классификации выделяются 3 типа грамматических категорий:

1) *категории высшего уровня грамматической абстракции*. Данная группа представлена предельно широкими грамматическими категориями – частями речи (напр., категории прилагательного, глагола, существительного и т. д.);

2) *категории среднего уровня грамматической абстракции*. К этой группе можно отнести более узкие, частные грамматические категории, которые сопутствуют основным категориям, (напр., род, число, падеж имени существительного и прилагательного; категория степени сравнения имени прилагательного; время, вид, наклонение глагола и т. д.);

3) *категории низшего уровня грамматической абстракции*. К этому типу можно приписать наиболее узкие категории, которые, так же, как и категории второй группы, сопутствуют основным категориям. В данном

случае речь идёт о словообразовательных категориях, таких, как категория агентивности, орудийности или абстрактности у существительного; категория пассивного процессуального признака у имени прилагательного в русском языке (напр., в словах “разрезной”, “выдвижной”, “повторный”, образованных от основ глаголов с помощью суффикса -н). В английском языке примером категории низшего уровня абстракции может быть категория ослабленного признака имени прилагательного (напр., в словах: yellowy “желтоватый”, greeny “зеленоватый”, reddish “красноватый”, bluey “голубоватый”, blackish “черноватый”, образованных от основ прилагательных, суффиксы -y, -ish являются формальными показателями, указывающими на принадлежность перечисленных дериватов к обозначенной категории).

К первому типу категорий с самым высоким уровнем грамматической абстрактности относятся категории частей речи. Однако это причисление частей речи к грамматическим категориям можно рассматривать чисто метонимически. Как справедливо отмечает Б.Н. Головин, части речи объединены в грамматические категории ввиду грамматического значения, общего для данного класса слов (такое грамматическое значение является предельно широкой категорией плана содержания). Данное значение формирует тот грамматический стержень, вокруг которого обобщаются целые классы слов. Такой стержень (напр., предметность у имени существительного, процессуальность у глагола, признаковость у имени прилагательного) делает эти слова однотипными, грамматически одинаковыми, и поэтому, в строгом смысле слова, он, собственно, и сам является грамматической категорией [3, с. 182].

Некоторые зарубежные исследователи разделяют подобное мнение и рассматривают части речи в качестве грамматических (морфологических) категорий [14, р. 79]. Другие причисляют существительные, прилагательные и глаголы к лексическим или синтаксическим категориям [12, р. 12; 16, р. 155-158]. Такие разночтения можно объяснить тесной

взаимосвязью между лексикой и грамматикой как системами языка. Тем не менее, как справедливо утверждает И.И. Прибыток, для частей речи характерно предельно абстрактное грамматическое значение, общее для целого класса слов, что даёт все основания рассматривать части речи в одном ряду с собственно грамматическими категориями, несмотря на отсутствие формальных средств выражения последних [10, с. 15].

Категория частей речи представляет собой предельно широкую, общую грамматическую категорию. Части речи можно считать универсальными категориями в том смысле, что они присутствуют в любом языке мира, и трудно себе представить языковую систему, главным компонентом которой не являлись бы части речи.

Категории частей речи являются единственным грамматическим значением и формальными средствами выражения данного значения. Грамматическое значение предметности объединяет слова (имена существительные), обозначающие как конкретные, так и абстрактные объекты – предметы, их свойства, качества, процессы, действия, события, деятельность и т. д., которые представлены как предмет. Слова с общим грамматическим значением «признаковость» (имена прилагательные) выражают значения свойства, качества или принадлежности. Грамматическое значение процессуальности является объединяющим началом для слов (глаголов), в которых некоторое действие, событие или какая-либо деятельность представлены как процесс. Категории частей речи не имеют своих собственных формальных средств выражения. Однако такие категории реализуются в менее широких, сопутствующих категориях, т. е. во второй и третьей группе, согласно предложенной классификации. Категории частей речи, видоизменяясь, развиваются в тесном единстве и во взаимосвязи с категориями среднего и низшего уровня грамматической абстракции.

Грамматические категории второго уровня имеют богатый арсенал средств выражения и, подобно категориям частей речи, рассматри-

ваются как единство грамматического значения и формальных средств его выражения. Существуют различные формальные показатели этих грамматических категорий. Так, одним из грамматических средств выражения категорий среднего уровня абстракции являются аффиксы. В качестве примера можно рассмотреть суффикс *-л*, который является грамматическим средством выражения прошедшего времени глагола в русском языке (напр.: *сделал, играл*). Префикс *-на* формально выражает грамматическую категорию вида (совершенный вид) у глаголов в русском языке (напр.: *писать – написать*). В английском языке в качестве средства выражения презенса основного разряда используется аффикс *-s*, для оформления превосходной степени сравнения имени прилагательного употребляется аффикс *-er*.

Не только аффиксы могут являться формальным средством выражения грамматического значения как компонента грамматической категории. Эту функцию могут также выполнять служебные слова (напр., в русском, немецком и английском языках формы вспомогательных глаголов *быть, sein* и *to be* можно рассматривать как грамматические показатели категории времени у глагола). Чередование звуков и ударение также можно рассматривать как формальные средства выражения грамматического значения категории (напр., в русском языке категория лица у глагола может быть оформлена посредством чередования (*сиду – сидишь*)). В английском языке категория числа имени существительного может быть выражена с помощью внутренней флексии (*foot – feet*). В болгарском языке формальным средством выражения грамматического значения времени глагола является смещение ударения. Например, форма третьего лица единственного числа настоящего времени у глагола *гледа (смотрит)* несёт ударение на первом слоге, в то время как форма аориста *гледа* имеет ударение на последнем слоге. Другими формальными показателями грамматической категории могут быть супплетивизм и повторы. В качестве примера можно рассмо-

треть категорию числа имени существительного в русском языке, которая может быть выражена посредством супплетивных форм (напр.: *человек – люди*). В английском языке категория степени сравнения имени прилагательного также может быть оформлена с помощью супплетивных вариантов (напр.: *good – better, little – less*). В индонезийском языке повторение основ можно рассматривать как грамматический показатель категории числа у имени существительного (напр.: *orang* (“человек”) – *orang-orang* (“люди”) и др.).

Согласно классификации, составленной в ходе настоящего исследования, к третьему типу грамматических категорий причислены словообразовательные категории. Это не противоречит положениям современной русистики, согласно которым словообразование имеет самое прямое отношение к грамматике и является одним из её разделов. Такой подход выдержан в грамматиках современного русского языка, разработанных Академией наук (РАН). Не только отечественные, но и ряд зарубежных лингвистов причисляют словообразование к грамматике, о чём свидетельствуют исследованные материалы [16, р. 117; 14, р. 83; 12, р. 14].

Рассмотрение словообразования как раздела грамматики является, на наш взгляд, оправданным по ряду причин. Во-первых, словообразовательные средства языка являются, главным образом, средствами морфемными, и сама система словообразования, вместе с системой собственно морфологической (словоизменяющей), является частью раздела грамматики, именуемого морфемикой. Во-вторых, кроме близости морфемного механизма, присутствуют такие связующие моменты между словообразованием и морфологией, как использование словообразовательных аффиксов как средств выражения словоизменяющих категорий (рода, вида, переходности и т.д.). Кроме того, следует принимать во внимание обусловленность в некоторых случаях словообразовательных потенциалов слова его морфологическими свойствами и влияние словообразовательной категории на морфологические особен-

ности слова, причисленного к данной категории [8, с. 4-5].

Таким образом, словообразовательные (деривационные) категории можно считать одним из видов грамматических категорий. Деривационные категории – это лексико-грамматические категории, в которых присутствует очевидная и явная зависимость от лексического материала. Словообразовательные категории можно рассматривать как единство грамматического (словообразовательного) значения и формальных средств его выражения. Одним из формальных показателей деривационной категории является словообразовательный суффикс. Суффикс представляется синкретичным явлением, поскольку он имеет собственно грамматическое значение (оформляет грамматическую категорию первой группы) и лексическое, деривационное значение (является формальным показателем лексико-грамматической категории). Например, суффикс *-ник* в русском языке и суффикс *-ist* в английском языке выступают, с одной стороны, как грамматические средства выражения категории существительного, с другой – как показатель категории агентивности.

Лексическая природа суффикса может проявляться в том, что, присоединяясь к производящей основе, суффикс включает полученный дериват в определённый обобщённый понятийный лексико-грамматический класс. Это указывает на то, что суффикс имеет способность выражать некоторую категорию плана содержания. Собственно лексическое значение суффикса можно определить через лексическое значение слов, оформленных данным суффиксом [7, с. 16].

Подобный синкретизм, некое пересечение грамматики и лексики указывает на творческий аспект человеческого сознания, где язык выступает как практическое воплощение созидательной работы разума по изучению окружающей действительности. Особенной чертой такой картины мира является то, что между категориями нет чётких границ. Как точно отмечает исследователь Н.Н. Болдырев, эти границы носят «неопределённый

характер или характер переходной зоны», в результате чего структура категории становится размытой, имеет место взаимопроникновение и взаимопересечение отдельных компонентов и отношений внутри категории [2, с. 101].

Значение суффикса, как правило, легко сформулировать. Часто это значение является более конкретным, чем значение префикса, который также может выступать как средство выражения лексико-грамматической категории. Приставка, как правило, вносит в слово определённый оттенок, компонент значения. Это может быть указание на степень, меру или временные характеристики (напр., в русском языке: *тропический* – *субтропический*, *категория* – *подкатегория*, *философия* – *протофилософия*; в английском языке: *to value* – *overvalue* (*ценить* – *переоценить*), *profit* – *superprofit* (*прибыль* – *сверхприбыль*). Таким образом, категория, оформленная суффиксом, представляется более широкой и, возможно, более важной, чем категория, которая выражена посредством приставки.

Если рассматривать грамматические категории в аспекте их соотношения с объективной реальностью, с онтологией окружающей действительности, возникает вопрос: каким образом в грамматическом строе закодированы знания человека о мире, как онтологические (бытийные) категории связаны с грамматическими категориями?

Мы исходим из предположения, что грамматические категории отнюдь не являются предельно точным, “зеркальным” отражением онтологических (бытийных) категорий. На это указывает сопоставление данных категорий, позволяющее выявить определённые количественные и качественные расхождения между грамматическими и бытийными категориями. С одной стороны, онтологическая категория «время» представлена в языке в виде грамматической категории времени, которая выражается через формы глагола; онтологическая категория «объекты» (предметность) зафиксирована в языке в виде грамматической категории существительного; онтологическая категория «свойства»

(признаковость) представлена грамматической категорией имени прилагательного и т. д.

Тем не менее некоторые бытийные категории (напр., “протяжённость”, “масса”, “пространство” и т. д.) не имеют явного грамматического воплощения, что, по всей вероятности, не означает, что язык вовсе игнорирует или отрицает существование этих онтологических категорий. Часто для того, чтобы зафиксировать эту величину в языке, используются лексические средства выражения (лексемы), которые можно рассматривать как показатели категории, условно обозначаемой как лексическая категория. Например, бытийная категория массы может быть представлена в языке лексико-семантической группой внутри имени прилагательного (напр.: *лёгкий, невесомый, воздушный, тяжёлый, массивный, грузный* и др.)

В отличие от грамматических, большинство лексических категорий имеют достаточно невысокую степень отвлечённости, и их характеризует довольно узкий охват языкового материала (ср. грамматическую категорию падежа и лексическую категорию “цвет”, грамматическую категорию существительного и словообразовательную категорию агентивности и др.). Лексема как средство выражения является довольно подвижным элементом; в языке непрерывно происходят процессы, связанные с появлением новых слов, и в то же время некоторые слова выходят из употребления и прекращают функционировать как компоненты языковой системы. Таким образом, лексические категории обладают, на наш взгляд, меньшим постоянством как в количественном, так и в качественном отношении, чем грамматические категории.

Грамматические категории представляют собой закрытое множество, они более универсальны и глобальны, чем лексические. Кроме указанных преимуществ, они обладают более высокой степенью отвлечённости, нежели категории лексические; по справедливому выражению отечественного лингвиста Л.И. Баранниковой, это формы наивысшего обобщения, «абстракции высшего порядка» [1, с. 216]. Это, как нам кажется,

свидетельствует о некотором превосходстве грамматических категорий над лексическими категориями с точки зрения важности, весомости первых как в лингвистическом, так и в онтологическом смысле.

Подобное мнение разделяют ряд лингвистов, утверждающих, что именно в грамматических категориях находят своё выражение онтологические категории, которые являются наиболее важными для данного языкового сообщества. По этому поводу А. Вежбицкая высказывает следующую мысль: «Различие между “ласточкой” и “жаворонком” может быть проигнорировано носителем английского языка, потому что они могут быть включены в общую категорию “птица”, но различие между “одной птицей”, “двумя” или “тремя птицами” не может быть таким же образом проигнорировано: для носителей английского языка разграничение между единственным и множественным числом обязательно (для “счётных имён”）」 [4, с. 44].

Следует отметить, что в некоторых случаях подобное пренебрежение лексикой действительно имеет место. Тем не менее это, как мы считаем, вовсе не является поводом для того, чтобы игнорировать и принижать значимость лексических категорий. И лексические, и грамматические категории являются языковым воплощением бытийных категорий. С другой стороны, сами бытийные категории неравнозначны, с точки зрения онтологии: некоторые бытийные категории являются достаточно широкими, абстрактными величинами. На наш взгляд, именно они реализуются в языке в грамматических категориях. Другие бытийные категории являются менее широкими, менее значительными образованиями; они, возможно, и представлены в лексических категориях.

В основе настоящего исследования лежит предположение, высказанное проф. С.В. Гриневым-Гриневиным, о том, что прежде чем реализоваться в грамматических категориях, онтологические категории проходят стадию осмысления человеческим сознанием. Благодаря активной, творческой деятельности человеческого сознания, объективная дей-

ствительность, будучи расчленённой на некоторые понятийные участки, закрепляется в сознании в форме элементарных квантов смысла. Таким образом, семантика выполняет важную функцию организующей стороны языка. Эта сторона (план) языка представляет собой сложную систему, основу которой составляют элементарные содержательные элементы [17, с. 33].

В этом смысле мы солидарны с идеей Л. Ельмслева о том, что язык представляет собой комбинацию знаков (состоящих из фонем) и так называемых “незнаков”. “Незнаки” рассматриваются учёным как мельчайшие единицы плана содержания, семантические компоненты значения, которые Ельмслев называет “фигурами”. Количество фигур составляет закрытую величину, в любом языке их не более 70-80. «Таким образом, – отмечает учёный, – язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их всё новым и новым расположениям может быть построен легион знаков. Если бы язык не был таковым, то он был бы орудием, негодным для своей задачи» [3, с. 324].

По всей видимости, под “фигурами” подразумеваются семантические категории, которые в концентрированной форме фиксируют всю ту информацию об объективной действительности, которую человечество усвоило за время своего существования. С этой точки зрения мы полностью разделяем предположение Р. Лангакера, с которым солидарны некоторые другие зарубежные лингвисты, что в процессе познания окружающего человека мира и, следовательно, передачи опыта от одного поколения к другому, знания об этом мире первоначально приобретают форму семантических категорий. Семантические категории можно рассматривать как продукты человеческого сознания, некие элементарные кванты смысла, которые впоследствии реализуются в языке в виде грамматических категорий [15, с. 73; 13, с. 513].

Грамматические категории являются результатом созидательной, творческой деятельности человеческого разума в течение долгих десятилетий, веков и, возможно, ты-

сячелетий. При этом степень отвлечённости, обобщённости некоторой грамматической категории связана, как нам кажется, как со временем появления и периодом существования и развития данной категории в языке, так и со степенью важности, значимости той или иной грамматической категории в онтологическом аспекте. На данном основании можно выявить следующую закономерность: чем большей обобщённостью языкового материала и абстрактностью обладает какая-либо грамматическая категория, тем длиннее история её существования и развития в языке и, следовательно, тем больше её весомость и тем выше её статус как выразителя бытийной категории.

Ход процесса когнициии и совершенствование грамматической системы языка не всегда одинаково соотносятся. Как показывает практика, язык реагирует на все изменения, связанные с когнитивными процессами с некоторым “запозданием”, в результате чего становление грамматического строя языка происходит в течение достаточно долгого периода времени. В этой связи можно высказать предположение, что в грамматических категориях, возможно, закодированы элементарные, простейшие онтологические (бытийные) категории, которые, по всей вероятности, характеризуют особенности мышления древнего человека, обладающего примитивным сознанием. В грамматических категориях, скорее всего, находят своё воплощение основные, базовые бытийные категории, так называемые “архетипы мышления”.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что наиболее важные семантические и, следовательно, онтологические категории представлены в грамматических категориях первой и второй группы предложенной классификации (в категориях высшего и среднего уровня грамматической абстракции). Более крупные категории находят своё выражение в словообразовательных категориях, последние занимают некое промежуточное место между “собственно грамматическими” категориями первой и второй группы и лексическими категориями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранникова Л.И. Введение в языкознание: учебное пособие / Предисл. В.Е. Гольдина. – Изд. 2-е, доп. – М.: Либроком, 2010. – 392 с.
2. Болдырев Н.Н. Прототипический подход к формированию категорий. Понятие прототипа // Введение в когнитивную лингвистику: хрестоматия, учебные задания и вопросы / сост. Л.Г. Золотых. – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2007. – 111 с.
3. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание: учебное пособие для студ. пед. ин-тов по спец. «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 779 с.
5. Касевич В.Б. Введение в языкознание: учебник для студентов учреждений высш. проф. образования. – 2-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М., 2011. – 240 с.
6. Кодухов В.И. Введение в языкознание: учеб. для студ. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». – М.: Просвещение, 1979. – 351 с., ил.
7. Кубрякова Е.С. Проблема категоризации человеческого опыта // Введение в когнитивную лингвистику: хрестоматия, учебные задания и вопросы / сост. Л.Г. Золотых. – Астрахань: Астраханский государственный университет, 2007. – 111 с.
8. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. – М.: Наука, 1977. – 315 с.
9. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: учебник для филологических специальностей вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с., ил.
10. Прибыток И.И. Теоретическая грамматика английского языка. – Theory of English Grammar: учеб. пособие для студентов лингв. вузов и фак. ин. языков. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 384 с.
11. Русская грамматика / Н.Д. Арутюнова и др.; отв. ред. Н.Ю. Шведова; в 2-х т. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфология / АН СССР. Институт русского языка. – М.: Наука, 1980. – 930 с.
12. Briscoe T. Introduction to Linguistics for Natural Language Processing. – Computer Laboratory, University of Cambridge. – October 4, 2011. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cl.cam.ac.uk/teaching/1213/L100/introling.pdf> (дата обращения: 08.10.13).
13. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics. An Introduction. – Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2006. – 812 p.
14. Kracht M. Introduction to Linguistics. – Department of Linguistics, UCLA. – 211 p. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.linguistics.ucla.edu/people/Kracht/courses/ling20-fall07/ling-intro.pdf> (дата обращения: 08.10.13).
15. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Volume 1. – Stanford CA: Stanford University Press, 1987. – 454 p.
16. O'Grady W., Archibald J. Contemporary Linguistics: An Introduction. 6th ed. – Bedford/St. Martin's, 2009. – 547 p.
17. Sergiusz W. Griniewicz, Elwina M. Dubieniec. Introduction to Linguistics – Bialystok, 2001. – 79 p.